

Новый директоръ.

(Очеркъ изъ далекаго прошлаго).

Въ помѣщеніи „уборной“, свѣтлой, чистой комнатѣ, предъ ярко топившимся каминомъ, собралась компанія кадетъ старшаго класса, и одинъ изъ нихъ, рослый, красивый блондинъ, обращаясь къ товарищамъ, съ оживленіемъ говорилъ:

„Итакъ... Прощай старинные порядки!... У дяди вчера былъ *jougné*, и я слышалъ, что къ намъ назначаютъ новаго директора... Должно быть онъ человекъ передовой! Одинъ изъ стариковъ очень уже проницательно отзывался о его дѣятельности“...

Забилъ барабанъ, призывающій въ классы, и кадеты разошлись.

Слухъ оказался справедливымъ. Недѣли чрезъ двѣ, послѣ вышеприведеннаго разговора, въ Энскій кадетскій корпусъ былъ назначенъ новый директоръ. И дѣйствительно съ первыхъ дней вступленія въ должность новаго директора повѣяло какъ бы свѣжимъ воздухомъ. Отмѣнены были субботнія публичныя наказанія розгами „лѣнивыхъ“ воспитанниковъ, кадетамъ старшаго класса разрѣшено было курить, для чего отведена была особая курительная комната, открылся буфетъ, взъ котораго за минимальную плату можно было получить: чай, кофе, бутерброды, горячее мясное блюдо, сласти и пирожное. Кадетамъ старшей роты разрѣшалось, послѣ уроковъ, уходить въ отпускъ до 8 ч. вечера; а одинъ разъ въ недѣлю посѣщать театръ. Однимъ словомъ, повѣяло свободой.

Въ одинъ изъ вечеровъ кадетъ, принесшій вѣсть о новомъ директорѣ, возвращался изъ Маріинскаго театра, напѣвая вполголоса мотивы изъ только-что прослушанной имъ оперы. Положивъ лѣвую руку на эфесъ тесака, правой рукой онъ дѣлалъ видъ, что покручиваетъ свои еле пробивающіеся усы.

Подходя къ Николаевскому мосту, онъ замѣтилъ впереди себя идущую стройную женскую фигуру и прибавилъ шагъ.

Поровнявшись и искоса взглянувъ на спутницу, онъ увидѣлъ прелестные черные глаза, щечки, разрумянныя морозомъ, и ему показалось, что она, взглянувъ на него, улыбнулась.

„Позвольте Васъ проводить!?” галантно обратился онъ къ попутчицѣ, ловко подставляя ей правый локоть своей руки.

Она молча вынула изъ собольей муфты свою лѣвую руку и безъ слова оперлась на руку молодого ловеласа.

Соразмѣряя свои шаги съ маленькими шажками своей спутницы, кадетъ оиять сталъ напѣвать пріятнымъ теноромъ: „Всѣ мы жаждемъ любви!“ „Любовь наша святыня!“ и вдругъ крикнулъ: „извозчикъ!“ Проѣзжавшій извозчикъ остановился.

— Не надо... Теперь уже недалеко... сказала спутница, закрывая свободной рукой, муфтою, свое личико.

„Не надо, такъ не надо! сказалъ ловеласъ и, пожимая маленькую ручку въ лайковой перчаткѣ, прибавилъ немного шагъ.

Перешли Николаевскій мостъ, пошли по набережной, и вдругъ спутница ошутительно потянула кадета къ большому зданію, въ подъѣздѣ котораго было яркое освѣщеніе.

„Да вѣдь это нашъ корпусъ!“ сказалъ недоумѣвая ловеласъ.

Спутница молчала и продолжала тянуть, крѣпко держа его руку. За нѣсколько шаговъ до подъѣзда, спутница выпустила руку ошеломленнаго кадета и, повернувъ къ нему смѣющееся личико, сказала: „тегсі“ и быстро впорхнула въ подъѣздъ.

Ловеласъ увидѣлъ, какъ къ вошедшей подбѣжалъ швейцаръ, снялъ съ нея мѣховую шубку, и она скрылась за дверью директорской квартиры.

Пройдя до угла 13-й линіи, ловеласъ постоялъ минутъ пять, а затѣмъ, нахлобучивъ башлыкъ какъ ни въ чемъ не бывало, вошелъ въ подъѣздъ, вбѣжалъ по лѣстницѣ и помчался по длинному коридору, ведущему въ спальню старшей роты. Явился къ дежурному офицеру и, раздѣвшись, легъ на свою кровать, но заснуть не могъ.

„Что-то будетъ? думалъ онъ, ворочаясь на постели... А впрочемъ какое же доказательство тому, что это былъ именно я? Нѣтъ, не поставятъ же „на очную ставку“—размышлялъ онъ.

„А она прелестный бабець!“ восхищался онъ, вспоминая прелестные черные глаза и стройную фигуру своей шаловливой спутницы. Долго онъ вертѣлся на своей постели и, утомленный, наконецъ заснулъ.

На другой день, послѣ утреннихъ уроковъ, кадеты старшей

роты были поставлены во фронтъ и передъ фронтомъ прохаживался ротный командиръ. Вдругъ вбѣжалъ дневальный и на ходу крикнулъ: „Его Превосходительство изволятъ жаловать“.

Неторопливыми шагами вошелъ директоръ, мужчина высокаго роста съ энергичнымъ лицомъ и, послѣ обычнаго привѣтствія, приказалъ вызвать изъ фронта тѣхъ воспитанниковъ, которые вчера были уволены въ театръ.

Впередъ вышло одиннадцать человекъ и въ томъ числѣ и ловеласъ.

„Господа! — обратился къ нимъ директоръ — Вчера одинъ изъ васъ былъ настолько любезенъ, что проводилъ мою жену. Не зная ее и видя, что женщина идетъ одна и можетъ подвергнуться неприятности отъ какого-нибудь нахала, онъ любезно предложилъ ей свою руку и довелъ почти до самаго подъѣзда. Это дѣлаетъ ему честь, такъ какъ онъ поддержалъ престижъ военнаго. Такъ вотъ я и пришелъ, по порученію моей жены, пригласить провожавшаго ее къ намъ на завтракъ. Такъ кто же это былъ?“ закончилъ директоръ, смѣясь глазами и смотря на покраснѣвшаго ловеласа.

Рослый молодецъ, покраснѣвшій, какъ піонъ, рѣшительно сдѣлалъ шагъ впередъ, и директоръ, взявъ его подъ руку, повелъ завтракать.

Д. Перскій.

